

Ковровую дорожку расстелили до вагона. Они шли по ней втроём. Впереди – Калистрат Иванович Н., Герой Советского Союза, старший сержант. За ним – Василий Лапотников, старшина, и Николай Зотов, сержант. Они были случайными попутчиками героя, но весьма кстати подгадали для торжественной встречи фронтовиков. Все недавно выписались из госпиталей, поэтому их демобилизовали. А тем временем войска спешно перебрасывались на войну с Японией.

В утренних лучах солнца желтел закопчённый паровозными дымами фасад станции. Несмотря на ранний час, народа собралось много – одетого по-праздничному, во всё самое лучшее, что у кого имелось. Лица были в основном радостные, но кое-кто из женщин утирал слёзы. Некоторые держали в руках цветы – уже подвявшие огоньки...

Духовой оркестр местной пожарной команды с воодушевлением играл старинный марш «Прощание славянки». Трубили трубы, торжествуя и поблёскивая начищенной медью, соловьём заливалась флейта, лязг тарелок находил отзыв в сердцах слушателей, буханье барабана напоминало отдалённый орудийный салют. Из-за мажорности звучания и по настроению исполнителей марш имел совершенно иной смысл – не прощание, а встреча Славянки своих возвращавшихся с войны детей – победителей.

На митинге присутствовало всё местное начальство – секретарь райкома, председатель райисполкома, военком и другие, чином пониже. Они и не пытались скрыть чувство гордости – не в каждом районе Герой Советского Союза возвращался домой с войны...

Военкомовская эмка уверенно катила по просёлочной дороге, изрезанной колёсами телег. Но если бы не июньская жара, подсушившая грязь, некоторые низины и лога им не преодолеть бы... В одном месте Василий попросил водителя остановить машину и вышел, захватив свой вещмешок. Следом вылез и Калистрат Иванович. С Николаем они распрощались ещё на станции. Его село находилось по другую сторону железной дороги.

– Может, зря ты это делаешь? – спросил Калистрат Иванович. – Скажу ему!.. Завезёт и тебя, куда он денется!

– Да вряд ли! – ответил Василий. – Назад надо возвращаться – крюк делать большой. Да и лога у нас там поглубже!.. Тут напрямик километров шесть! С удовольствием пройдусь!..

– Да знаю! Бывал я в твоей Кривозеровке!

Василий достал из вещмешка фляжку и кружку.

– Спирт, – сказал он. И предложил: – За знакомство!..

– Давай! – согласился Калистрат Иванович. – У меня какие были запасы

– все при прощании выпили... Мы и твои приголубили бы, если б в вагоне познакомились!.. В деревне, поди, найдётся чем нас встретить?

И он засмеялся, закрывая ладонью изуродованную ранением левую щёку... Глядя на его гримасы, Василий стиснул зубы от огорчения за своего нового друга.

– За Победу! – предложил он. – За товарищей!..

Два фронтовика, прошедшие ад войны, каждый год которой по насыщенности трагических переживаний не мог даже сравниться с опытом всей их мирной жизни, стояли на дороге посреди зелёного поля под высоким родным небом. Изредка деловито попискивали птахи, лишь усиливая тишину. А люди молчали. Они были детьми сурового времени. Воином быть почётно и в то же время чрезвычайно опасно. Однако не они выбирали этот путь – судьба так распорядилась. Сейчас каждый из них в мыслях был дома, желал поскорее окунуться в пока ещё непривычную мирную жизнь, заняться каким-нибудь делом, чтобы отойти от войны, может, даже забыть о ней. Но они и не подозревали о том, что им суждено никогда не вернуться с неё: она будет постоянно приходить в их снах, возвращаться неожиданно вспыхивающими воспоминаниями...

Вскоре эмка помчалась дальше по дороге, оставляя за собой шлейф пыли... Василий долго провожал её взглядом...

Ему нужно было ещё перебраться через небольшую речушку, что протекала по низине среди лозняка. За годы войны он форсировал много водных преград. И всюду вода пахла соляркой, бензином, нередко трупами. Наверное, у своих истоков те реки тоже были чистыми, как эта, и пахли всем понемножку – травой, лесом. И так же невозможно было напиться из них за один раз... Прохладная вода не располагала к купанию. Василий заторопился, поднимая небольшую волну. Отражение лозняка в воде заколебалось, и на ряби заиграли солнечные пятнышки. Вблизи другого берега, более крутого, Василий неожиданно провалился в глубокую промоину. Спину окатило ледяным холодом. Прав оказался Виталий Алексеевич, военврач госпиталя.

«На лопатках у тебя после ожога выросла новая кожа, как у младенца! – сказал он, осматривая Василия. – Года три будешь чувствовать ею особенно остро тепло и холод!..»

Войну они заканчивали в Чехословакии. Надежда остаться живыми постепенно сменялась вполне обоснованной уверенностью в этом – воевать они научились.

– Соберёмся после у моей мамы в Кутаиси! – сказал как-то их командир Шалва Береташвили. – Она ждёт всех нас!.. Полюбуетесь на нашу прекрасную Грузию!

– А потом все разом к нам! – мечтательно сказал Иван Малыгин, наводчик орудия, который звал командира Жаном. – Верно, Василий?.. А что?.. Наша Сибирь – тоже благословенный край! Считаю её вообще лучшим местом на земле!.. У нас всё есть!.. А какие у нас красивые девушки!

Василий согласно кивал головой. Они были земляками с Иваном. Только при последних его словах заулыбался, подумав: «У этого одно на уме!».

Их встречали местные жители как освободителей – с цветами, с радостным ликованием. Невольно приходилось останавливаться. И всякий раз около Ивана можно было увидеть нарядных девушек. «Ах, пан Иванко! Какие у вас красивые зубы!» – щebetала какая-нибудь из них, мечтая, наверное, чтобы её ребёнок имел такие же зубки. А может, вынашивала надежду, что западёт на неё этот русоволосый красавец в сияющем ореоле воина-освободителя, вернётся потом сюда, чтобы забрать с собой. Да хоть на край света с ним, лишь бы позвал. По такому случаю Иван всегда надевал кожаную куртку. В ней фотографировалась вся их рота. Откуда она у него? Василий как-то спросил его об этом. «Подарок!» – ответил тот, скривившись... На снимке их экипажа, который с обгорелыми краями сейчас хранился у Василия в вещмешке, завернутый бережно в тряпицу, Иван стоял в этой куртке...

Как-то среди молоденьких чешек Василий увидел свою жену Зойку. От неожиданности он даже оторопел, оглушённый сердцебиением. Откуда она тут взялась? Конечно же, обознался! Но до чего эта чешка походила на его жену: росточком, фигуркой, курносый носиком, нежным румянцем щёк, светлыми волнистыми волосами. Хотя, если бы на Зойке было это белое платье с затейливой вышивкой, как на чешке, и красные туфельки, то она, пожалуй, была бы даже красивее. После госпиталя Василий обменял на вещевом рынке продукты на красные туфельки. Размера ноги Зойки не знал – взял наугад... Четвёртому члену экипажа, стрелку Павлу из Орла, некуда было и приглашать. В оккупацию у него погибли все родные. И только сожалел теперь солдат, что война заканчивалась, а он так и не смог ещё полностью рассчитаться за своих.

Они приближались к Праге. Там начиналась какая-то заваруха. Боевое охранение колонны не заметило немецкую самоходку, хорошо замаскированную. Отважные парни в ней сидели. Знали ведь, что не дадут им уйти, прожгут броню снарядами. Лучше мчались бы они на этой самоходке в сторону Германии, пока позволяли обстоятельства. А потом смешались бы с беженцами или растворились в лесах. Не пропали бы... Однако нет! Не преобладало в них чувство самосохранения. Они только успели перекинуться взглядами... Безумство храбрых, как и их гордое презрение к смерти, присуще всем нациям без исключения. Они жертвуют собой ради цели, иногда многим непонятной. Но их пример – это как глоток бесценного, настоящего тысячелетиями напитка, от которого бурлит в жилах кровь и полыхает в сердце огонь... Этим храбрецам никто и не подумал отдать воинские почести, даже не постоял у их горевшей машины, похожей на погребальный костёр. Своих было два... Первым подбили танк Василия. Конечно, для их экипажа это было простым невезением – сразу попасть в перекрестие прицела вражеского орудия, когда у того был выбор. Оглушённый, Василий машинально, на автомате, откинул крышку люка, попытался вывалиться из него и повис на кромке. В промасленном комбинезоне он горел ярким факелом. Тут же подбежали товарищи, выдернули его из люка и сбили пламя. Но больше из экипажа никого спасти не удалось...

Полевая дорога вывела к воротам посёлка. Село казалось безлюдным. И стояла такая тишина, что Василий слышал стук своего сердца. Однако по мере того как Василий проходил по улице, в домах позади замечалось оживле-

ние – люди выглядывали из окон, затем начинали выходить из калиток. Можно было подождать, когда кто-нибудь подойдёт, чтобы перемолвиться словом. Но ещё успеется!.. Он увидел серый скат крыши родного дома, печную трубу над его коньком, черёмуху в палисаднике. Заглядевшись на дом, Василий чуть не наступил в не засохшую коровью лепёшку.

В тени конуры безмятежно спала незнакомая дворняга, вытянув лапы и откинув хвост. Василий замедлил шаг, опасаясь агрессии с её стороны, но собака даже не уделила ему внимания.

«Хорош сторож! – хмыкнул Василий, поднимаясь на крыльцо. – Ладно, разберёмся!..»

Он мельком окинул взглядом двор, огород. За время его отсутствия тут, казалось, ничего не изменилось. Разве только подновили нижние ступеньки крыльца да загустили свежими ветками пролёты частокола. Это была работа Ивана Ивановича, отца Василия, опекавшего в трудное время невестку и внука... Огород был вскопан – значит, картошка посажена, равно как и другая нужная мелочёвка. Это была как раз та пора, когда напряжённая посевная страда в селе наконец-то закончилась, и наступило недолгое затишье в делах.

В доме никого не было. Василий снял сапоги у порога, прошёл к столу и положил на лавку вещмешок. Выскобленный до желтизны пол приятно холодил подошвы ног, как бы успокаивал. В комнате было тенисто из-за черёмухи в палисаднике. Через распахнутое окно наносило горьковато-терпкий её аромат, который смешивался с запахом недавно испечённого хлеба и щей.

Василий заглянул в соседнюю комнату. Там ничто не загоразивало окон, и она была наполнена солнечным светом. Всё так же стояли друг против друга кровати, покрытые лоскутными одеялами. А между ними громоздился большой сундук с выпуклой крышкой. В простенке меж окон висел портрет молодых родителей Василия – Ивана Ивановича и Акулины Ефимовны. Их фотография уже слегка помутнела, и они смотрелись как сквозь дымку, без живинки в лицах, застывшими истуканами. Ниже портрета также в рамке была помещена Почётная грамота, полученная Василием перед самой войной за распапку колхозных земель. Тогда выделили ещё отрез ситца: по пёстро-зелёному полю его были разбросаны полуоткрытые стручки гороха. Занавески из этого ситца висели сейчас на окнах... А вот это уже было что-то новое в их доме. В красном углу под самым потолком в обрамлении вышитого полотенца стояла тёмная икона женщины с ребёнком... Значит, Зойка тут молилась за него. Может быть, её молитвы и спасли его в последнем бою... У Василия защемило сердце. Он был весь как натянутая струна, и выдохнуть мог только когда увидит жену, сына и родителей. Вот тогда он будет по-настоящему дома...

Стукнула дверь, и в комнату вбежал худенький мальчишка. В чёрных шароварах, в рубашонке из их «семейного» ситца. На лице широко расставлены Зойкины глаза. Над левым виском русые волосы топорщил вихор, как у Василия. Это был сын Лёшка. Первым порывом было – обнять его и прижать к груди. Но, глядя на мальчугана, растерянного при виде человека в военной форме, Василий воздержался, опасаясь ещё и напугать его. Для сына он был человеком из легенды. Храбрецом из храбрецов.

«А если бы я не вернулся? – подумал он, рассматривая его. – Что? Только этот вихор и остался бы от меня?.. Что-то ведь передалось и от дедов. Не должен бы подвести?.. Да! Мог и повыше быть!.. Ребёнок войны!»

Какое это всё-таки счастье: видеть сына. Ему он обязательно расскажет о своих боевых товарищах – об Иване, командире, Павле. Может быть, даже поедет с ним к родителям Ивана, чтобы показать там обгоревшую фотокарточку с их сыном...

Но есть то, чем он ни с кем никогда не поделится, разве только жене расскажет когда-нибудь, как самому близкому человеку. О смертельном страхе, который он испытывал, особенно в первых боях. Когда рядом вдруг загоралась машина своих, а потом и другая. Начинало казаться, что подходила и их очередь. Возникало чувство, что стоит он на краю пропасти, покачиваясь, и отступить хоть на шаг не представлялось никакой возможности. А жажда жизни бурлила в нём. Оставалось только надеяться на божеское чудо, которое вмещается, и снаряд из вражеского орудия, чиркнув по броне, срикошетит в сторону... Потом он как-то притерпелся к своему страху, помогало не сломаться чувство плеча боевого товарища, его хладнокровное, мужественное лицо. Но всё равно Василий каждый раз томился перед боем. Да и не один он был такой... Командир нет-нет да и разглаживал усы, что-то поправлял в них, хотя они у него и без того были великолепные... Иван заводил себя руганью. Иногда даже Василию доставалось от него.

– Затрацын ты сын! – ляпнул тот совсем недавно, где-то у чехов, видимо, перенял. Василий мог ответить ему подобным и по-польски. В свою очередь они обогатили эти европейские языки меткими, ёмкими и весьма лаконичными русскими выражениями... А вот Павел не испытывал страха. Он улыбался, скаля зубы, и глаза его при этом как-то жутковато поблёскивали. Глядя на него, Василию становилось не по себе. Он знал, что для Павла самым ужасным было думать о разрушенном доме, и что туда ещё предстояло возвращаться...

Не простое это дело – встреча отца с сыном после долгой разлуки. Появлялся иной, более глубокий смысл их родства, чем просто семейные узы. Здесь царили иные законы, иные правила, о которых можно было только смутно догадываться. Просто частичка отца будет продолжать жить в сыне... Сколько времени они стояли друг против друга: минуту, две, может, больше...

– Где мама? – спросил наконец Василий, нарушая молчание.

– На пруду! Стирает!..

– Пошли!

У калитки их ожидала толпа женщин. Они сразу обступили Василия.

– Ты Микиту моего видел? – первой спросила бабка Азаренчиха, придыхая.

Она торопилась сюда, запыхалась.

Василий покачал головой.

– А Колю моего? – тут же спросила рыжая, веснушчатая Машка Пашкова.

Василий опять покачал головой и, опережая вопросы других женщин, сказал:

– Ждите! Придут!..

А про себя подумал: «Если живые!».

Они пошли следом за Василием. И даже бабка Азаренчиха старалась не отстать, опираясь на палку, выломанную из частокола.

Зойка полоскала бельё в пруду и нещадно хлестала по нему на мостках зубчатым вальком. Неподадёку стояли жестяные вёдра. Около них лежало коромысло... Услышав топот ног, она оглянулась. Увидев Василия, она вскочила, придавленно вскрикнула. Валёк выпал у неё из рук, гулко стукнув по доскам. Затем и она сама без чувств опустилась рядом с ним... Потрясённый Василий смотрел на жену, замечая с горечью, как она изменилась. Щёки были бледными, без намёка на румянец. По лбу тянулись продольные морщинки. На виске пульсировала синяя жилка. Из-под косынки выбивалась прядь русых волос, и ветерок, нежно касаясь, чуть пошевеливал её... Руки у Зойки были тонкими и, наверное, поэтому казались длинными, с набрякшими венами на кистях. Эти рученьки, как и тысячи таких же, помогли мужчинам водрузить над рейхстагом огромный Стяг Победы. На волнистом его полотнище в лучах солнца пылала алая кровь наших солдат. У самого древка вверху гордо золотился серп с молотом.

– Напугал жену, Василий Иванович! – послышался позади женский голос... – Явился перед ней в орденах и медалях. С кобурой на боку!.. Она и обмерла... И как бы ещё не того?.. Юбка что-то у неё шибко намокла!..

Василий обернулся. Это была Нинка Пантелеева, их кума, известная зубоскалка. Надо же, и эти годы её не укатали! Вот он, русский характер – насмешливый и неунывающий при трудностях, зачастую с весёлой, бесшабашной и дерзкой отвагой, а потому неукротимый никем и никогда...

Василий поднял жену на руки. «Лёгкая, как пушинка!» – изумился он, прижимая её к груди. Та молодая чешка была красивее Зойки. Но эта дороже... Как-то так получилось, что стоял он со своей Зоей Петровной на руках посреди села на плотине пруда с мутновато-свинцовой водой, на берегах которого располагались дома с почерневшими крышами, с черёмухами и тополями в палисадниках. В какой-то миг ему показалось, что и боевые товарищи встали рядом, радуясь за него. И только он сможет видеть их. Один он остался из них живым. Лёгкий ветерок поднял рябь на глади пруда, и как будто мурашки побежали по воде... Говорят, что павшим за Отчизну прощаются разом все грехи. Павел, наверное, уже в окружении своих родных. Иван, конечно, не встал на колени перед привратником. Пропустил и так. А Жан теперь будет возвращаться к матери в её снах с вечно молодым прекрасным лицом...

– Это ты! – прошептала Зойка, чуть дыша, словно боялась задуть слабенькую свечку веры. – Опустит!..

Женщины во все глаза смотрели на них. Некоторые плакали, что-то бормоча шёпотом, словно потихоньку голосили. Знали, что их мужья к ним уже не вернуться... С другого края села сюда спешили люди. Где-то среди них, опираясь на батожок, ковылял Иван Иванович со своей Акулиной Ефимовной.